

заказанное ему изображение, видел свою задачу в том, чтобы дать правдивый образ основателя монастыря. Художник, иначе говоря, стремился быть верным действительности. Для создания такого изображения, верного действительности, ему нужен был надежный материал: вместе с заказчиком он стал разыскивать сведения о личности Александра и приступил к работе, получив описание его внешности от «известного самовидца» — Никифора Филиппова. Нельзя не отметить при этом, что описание Никифора, при всей своей краткости, было вполне конкретным. В рассказанном Феодосием случае древнерусский художник поступил, в сущности, так же, как поступил бы художник, например, XIX в., если бы ему пришлось писать человека, которого он не знал, но сведения о котором он мог узнать от других.

Историю второго изображения сообщил неизвестный автор жития Евфросина Псковского, так называемой, первоначальной редакции. Житие написано до 1510 г. в монастыре, основанном Евфросином.<sup>9</sup> Автор передал историю образа Евфросина, рассказывая о своей работе над житием,<sup>10</sup> о том, как, дойдя до изложения «немеримой глубины пресвятой алалиуи», он оказался неспособным передать ее «тайну». «И бех егда в глубине уныния и великое недоумение постиже мя, — пишет автор о своем состоянии, — и умное ми парение души моя не действует и слово мое не вяжется...» В одну из ночей, утомленный бесплодными стараниями «поставить в ряду слово о вещи», он заснул. Во сне ему явился Евфросин с Серапионом (первым сподвижником Евфросина) и, ободвив автора, обещал помочь ему в работе. Однако автор усомнился в видении: был ли то действительно Евфросин или его смущали «нечистые духи». Чтобы разрешить сомнения, он решил пойти посмотреть находившийся в монастыре образ Евфросина. (В древнерусской письменности можно найти не один рассказ, как то или иное лицо узнавалось по изображению). Образ убедил автора в том, что ему являлся сам Евфросин.<sup>11</sup> С целью показать достоверность изображения, к которому он обратился, чтобы убедиться в истинности видения, автор рассказал, как это изображение было написано. При жизни Евфросина в монастыре находился искусный живописец — иконник Игнатий. Выдающаяся личность основателя монастыря побудила художника запечатлеть его облик и «того ради наваял есть на хартью з жива суща образ его, ту же имя подписал преподобного». Сделав изображение и подписав его для памяти, Игнатий присоединил его к своим образцам иконных композиций и хранил вместе с ними: «к изразцы своя иконныя положи и сохрани е». По смерти Игнатия другой монастырский иконописец нашел среди его рисунков — «изразцов» — изображение Евфросина и показал игумену Панфилу. Игумен велел написать по изображению икону. И таким, каким видел автор Евфросина во сне, таким он увидел его на этой иконе.<sup>12</sup>

Изображение Евфросина, исполненное Игнатием, представляло собой, следовательно, рисунок («наваял» значит нарисовал), сделанный с натуры или во всяком случае под непосредственным впечатлением от натуры

<sup>8</sup> Н. И. Серебрянский. Житие преподобного Евфросина Псковского (первоначальная редакция) — ПДПИ, CLXXIII, 1909.

<sup>9</sup> Об этом житии см. также: В. О. Ключевский. Древнерусские жития. стр. 252—257; Н. И. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 78 и сл.

<sup>10</sup> Этот рассказ вошел во второе житие Евфросина, написанное в 1547 г. пресвитером Василием. Житие издано в «Памятниках старинной русской литературы» (в IV СПб., 1862). См. о нем сочинения, указанные в предыдущем примечании.

<sup>11</sup> Н. И. Серебрянский. Житие преподобного Евфросина. стр. 65—67.

<sup>12</sup> Там же, стр. 67.